

*Поляков А.М.**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СИМВОЛА И СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ[©]

Аннотация. В статье представлен психологический анализ символа и символических форм (телесных практик, художественных образов, экспрессивных жестов, мифов (нарративов)). Центральными характеристиками символических форм являются направленность на выражение субъектной реальности, интенциональность, иносказательность, антиномичность, персонифицированность, универсальность, уникальность формы, обращенность к Другому. Психологический смысл обращения человека к символам заключается в выходе за пределы собственной позиции и обнаружении позиции Другого.

Ключевые слова: сознание; символ; символические формы; смысл; субъект; субъект-субъектные отношения.

Поступила: 22.04.2023

Принята к печати: 25.05.2023

Для цитирования: Поляков А.М. Психологический смысл символа и символических форм // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 147–164. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.09

* *Поляков Алексей Михайлович* – доктор психологических наук, доцент, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; polyakov.bsu@gmail.com

Polyakov Alexey Mikhailovich – DSc in Psychology, Docent, Professor of the Belarusian State University, Minsk, Belarus; polyakov.bsu@gmail.com

© Поляков А.М., 2023

Polyakov A.M.
Psychological Meaning of Symbol and Symbolic Forms

Abstract. The article presents a psychological analysis of symbol and symbolic forms (bodily practices, artistic images, expressive gestures, myths (narratives)). The central characteristics of symbolic forms are the focus on the expression of agent reality, intentionality, allegoricalness, antinomy, personification, universality, uniqueness of form, appeal to the Other. The psychological meaning of a person's appeal to symbols lies in going beyond the limits of one's own position and discovering the position of the Other.

Keywords: consciousness; symbol; symbolic forms; sense; agent; agent-to-agent relations.

Received: 22.04.2023

Accepted: 25.05.2023

For quoting: Polyakov A.M. Psychological Meaning of Symbol and Symbolic Forms // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 147–164. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.09

Введение

В культурно-исторической психологии освоению человеком разнообразных культурных форм придается огромное значение в контексте проблем психологического развития и социализации [Брунер, 2006; Брунер, 1977; Выготский, 1997; Выготский, 1999; Выготский, 1983; Выготский, 1968; Зинченко, 2006; Зинченко, 1994; Лурия, 1998; Поляков, 2016; Поляков, 2022; Поляков, 2014; Салмина, 1988; Veraksa, 2013] и др. Указывается на их роль в сознательной организации психической активности и деятельности субъекта, а также в построении взаимодействия с окружающими в соответствии с образцами культуры. Культурные формы в работах Л.С. Выготского и его последователей рассматриваются как психологические орудия, позволяющие развивать и осмысленно реализовывать функции сознания человека.

Выделяется достаточно большое разнообразие форм культуры: слова, коды, модели, метафоры, жесты, символы, мифы, нарративы,

схемы и др. При этом возникает проблема определения специфики культурного опыта, который они фиксируют, и построения типологии с позиции решаемых ими психологических задач в жизни и развитии индивида.

В психологии существуют разнообразные типологии и классификации культурных форм, построенные на разных основаниях (в данной статье мы не рассматриваем классификации знаково-символических средств, разработанные в философии, семиотике и иных областях знания в силу обширности вопроса и его выхода за рамки задач данного исследования (см., напр.: [Дешарне, Нефонтен, 2007; Поляков, 2014]).

Одну из наиболее развернутых классификаций знаково-символических средств предлагает Н.Г. Салмина. Она выделяет два класса средств: 1) естественные языки и производные от них системы, а также 2) системы, не имеющие прямой связи с естественным языком. Внутри этих классов выделяются разновидности знаково-символических средств по критериям качества формы (субстратно-субтанциональные, пространственные средства, действия), произвольности, содержания, отношения к обозначаемому [Салмина, 1988, с. 38–41].

В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунов в рамках проблемы психологического изучения сознания выделяют четыре основные формы – слово, знак, символ, миф [Зинченко, Моргунов, 1994]. В качестве частных случаев этих основных форм можно рассматривать модель, индекс, аллереорию, метафору, имя и др. [Дешарне, Нефонтен, 2007; Салмина, 1988].

Существуют и иные классификации культурных (знаково-символических) форм, связанные с решением различных исследовательских задач, разработанные М. Аргайлом, К. Бюлером, А. Валлоном, Ж. Пиаже, М.В. Гомезо и др. Однако они либо носят общий характер, не учитывая различия знаковых и символических форм, либо связаны с конкретными видами активности человека.

Для нас особый интерес представляет разграничение знаковых и символических форм, определение разновидностей и специфических функций последних с целью раскрытия их психологического смысла, их роли в развитии и функционировании сознания субъекта. Следует заметить, что в психологии по преимуществу уделялось внимание

знаковым формам либо последние не дифференцировались от форм символических, рассматриваясь в едином конструкте «знаково-символических» или просто «символических» средств.

Понятие символа в психологии

В большинстве психологических исследований, ориентированных по преимуществу на изучение когнитивного (отражательного) аспекта психического, используется понимание символа как занимающего промежуточное положение между чувственным образом и знаком (словом-понятием) [Выготский, 1997; Veraksa, 2013] и др. Символ в них трактуется как предмет или действие наподобие образа, обладающий пространственными характеристиками и, как и знак, замещающий отображаемый предмет (материальный предмет, действие, событие, ситуацию и др.). При этом, в отличие от знака (и его значения) символ не обладает условностью и произвольностью употребления, поскольку в нем внешняя форма и предметное содержание не разделены. В связи с этим символические формы изучались как имеющие внешнее подобие с отображаемыми объектами, в отличие от знаков, произвольно «привязанных» к ним.

Близкое к отмеченному понимание символа сложилось в работах Ж. Пиаже (символ как действие или образ, посредством которого отображается объект), Дж. Брунера и А. Валлона [Брунер, 1977; Валлон, 1956; Ausubel, 1965; Piaget, 1976].

Отождествление знака и символа либо представление последнего как более примитивной разновидности знака наблюдается во многих других психологических исследованиях [DeLoache, 1991; Smith, Franklin, 1979].

В то же время отличное от указанного понимание символа мы можем усмотреть в трудах Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета, в которых раскрывается роль идеальных форм культуры в психическом развитии человека, представленных в произведениях искусства [Выготский, 1968; Шпет, 2006]. Обращаясь к известному анализу Л.С. Выготским символических образов литературных произведений, можно заключить, что они, во-первых, в отличие от чувственного образа раскрывают не внешние черты символизируемой реальности, но скрытое за ними содержание человеческих отношений и чувств; во-вторых, фор-

ма художественного образа уникальна, и малейшее ее изменение приводит к искажению смысла произведения; в-третьих, художественные символы интегрируют, парадоксально соединяют внешне противоречивые смыслы (например, слабый побеждает сильного, менее развитый оказывается мудрее и т.п.); в-четвертых, для их понимания принципиальное значение имеет контекст произведения [Выготский, 1968]. Указанное понимание художественного символа очевидно отличается от представленного Л.С. Выготским понятия знака, стремящегося к фиксации обобщенного значения, определенности и четкой фиксированности его границ, произвольному использованию формы.

Г.Г. Шпет рассматривает искусство как особый вид знания, высвечивающий ценностно-смысловую реальность человека и представленный в форме чувственно-эмоционального переживания [Шпет, 2006]. Г.Г. Шпет, как и Л.С. Выготский, подчеркивает уникальность художественного образа, который, в отличие от знака, не включается в действительные связи вещей, а, напротив, *отрешается* от этих связей, выводя наше сознание за рамки этого мира. Такое понимание художественного образа, на наш взгляд, соответствует понятию символа.

Последние три десятилетия в психологии проявился особый интерес к изучению специфики символов по сравнению со знаками.

Н.В. Кулагина понимает символ как медиатор отношений человека с миром и универсальное средство регуляции его духовно-практического опыта [Кулагина, 2006]. Символ позволяет субъекту раскрывать смыслы целостного бытия, недоступные при использовании рационально-знаковых форм. Он заряжен глубинными личными смыслами, неосознаваемыми установками и мотивами.

В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунов отмечают значимость изучения различных культурных форм, таких как символ, миф, слово, играющих существенную роль в развитии человека [Зинченко, Моргунов, 1994]. Следует заметить, что данный подход обращает внимание не столько на когнитивный аспект проблемы сознания и культурных форм, сколько на проблематику становления личности (нравственности личности, личностных смыслов, переживания, воздействия произведений искусства и др.).

А.Н. Веракса предлагает рассматривать символ как культурную форму, отличную от знака [Veraksa, 2013]. Ее специфика заключается, с одной стороны, в тесной связи формы символа с обозначаемым

предметом, а с другой – в отсутствии четких границ ее смыслового содержания. Благодаря таким особенностям овладение символами занимает промежуточное положение между досознательными (неопосредствованными) формами психики и сознательными, опосредствованными знаками.

С.К. Нартова-Бочавер рассматривает символ как средство выражения субъектного пространства человека [Нартова-Бочавер, 2008].

Некоторые авторы указывают на специфические *функции символа* в контексте различных социальных практик.

Л.Т. Потанина и И.И. Ильясов связывают владение педагогами образно-символическим языком со способностями порождения образов, репрезентации мира и личностно-смыслового пространства в эмоционально-образной форме, влиянием на нравственное развитие личности [Потанина, Ильясов, 2010].

В рамках психотерапевтических практик В.И. Цыбуля рассматривает символ как психологическое средство фасилитации динамики смысловых процессов в сознании клиента [Цыбуля 2012]. Автор выделяет терапевтические функции символа: осознания смысла симптома или проблемной ситуации; смыслопорождения; рефлексии и понимания смыслов бытия; интеграции; «порождения переживаний»; экспликации переживаний; отреагирования; организации событийного пространства и времени терапии, порождение особого отношения к терапевтическому процессу; прогнозирования; структурирования психических процессов; суггестии.

И.В. Черепанов связывает символическую функцию с процессами самоидентификации личности [Черепанов, 2011].

О.Ф. Хмиляр пишет о функциях символа в общении [Хмиляр, 2014]. В контексте общения выделяются функции объединения (связь различных реальностей); духовного становления и развития (символ придает значение самой личности); паттерна (символ выступает одной из важнейших категорий языка, искусства, философии, психологии, религии); формирования (по отношению к языку); придания значения; упорядочения (обеспечивает разворачивание общей идеи); регулирования и замещения запретных желаний.

А.С. Белорусец рассматривает символ как уникальное средство ориентировки человека в задачах развития личности, воплощения переживания причастности к миру и предлагает применять символы в

целях психотерапии и психологического консультирования [Белору-сец, 2020]

Известное внимание символам придается в психодинамическом направлении [Лейнер, 1996; Человек и его символы, 1997]. Их понимание сопряжено с замещением отсутствующего другого субъекта. В данном контексте необходимо сделать уточнение. Субъект по своей сути как источник действия и отношения, противостоящий предметной среде, в эмпирическом плане *всегда* нам не доступен. Непосредственно мы его обнаружить (увидеть, потрогать и т. д.) не можем. В связи с этим символ, будучи представлен чувственной формой, раскрывает сверхчувственную субъектную реальность, обращая к ней наше сознание.

Таким образом, анализ работ, посвященных сущности символа, позволяет заключить, что понятие так или иначе связано с осознанием, фиксацией и выражением субъектной реальности и субъект-субъектных отношений. *Символ* представляет собой *уникальную культурную форму, опосредующую отношения и взаимодействие двух или более субъектов и репрезентирующую в сознании человека субъектную реальность* (отношения, намерения, позиции, переживания и др.). Символ – это чувственная форма, выражающая связь сознаний двух субъектов. Однако символ становится символом лишь тогда, когда человек способен использовать его как форму выражения отношений с другими и осознавать его смысл, видеть за символической формой другое «я», чужую субъектность. Иными словами, для этого необходимо сформировать соответствующие функции сознания и овладеть способностью к пониманию и использованию символических форм. Данный теоретический вывод был подкреплён рядом наших экспериментальных исследований [Поляков, 2016; Поляков, 2022; Поляков, 2014].

Функции культурных форм как основание для их типологии

В предыдущих своих работах мы предлагали использовать в качестве основания для построения типологии культурных форм выполняемые ими психологические функции [Поляков, 2022]. Они делятся на два типа. К первому типу отнесены функции построения и регуляции сознательной активности субъекта, т.е. *медиации взаимодействия с*

субъектной и объектной реальностью. Активность субъекта можно дифференцировать на взаимодействие с другими субъектами (общение, отношения) и преобразование предметной действительности (построения деятельности). По этому критерию культурные формы дифференцируются на символы, опосредующие осознание и выражение субъектной реальности и субъект-субъектных отношений, и знаки, опосредующие осознание предметной действительности и построение предметной деятельности [Поляков, 2022].

Второй тип психологических функций обеспечивает *построение системных связей* между компонентами сознания (мы используем представления о структуре сознания, разработанной в культурно-исторической психологии в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и В.П. Зинченко [Выготский, 1982; Леонтьев, 1983; Зинченко, 2006]). Благодаря этим функциям осуществляется связь между соответствующими компонентами структуры сознания в процессе его онтогенетического развития. В предыдущих наших работах мы обосновывали, что для построения определенного типа связи между соответствующими компонентами сознания применяется специфический тип знаково-символических средств [Поляков, 2022]. В связи с этим каждая выделенная в типологии культурная форма обеспечивает определенный тип связи. Для построения одних (объективно значимых) связей используются преимущественно разновидности знаковых форм, для создания других (субъективно значимых, имеющих смысл) – разновидности символических форм. Овладение культурными формами происходит в процессе культурного развития и включения в различные типы социальных практик (обучения, воспитания, коррекционной работы, психотерапии и др.).

На основании психологических функций, выполняемых знаками и символами в структуре сознания человека, нами были выделены различные их типы. К знаковым формам культуры были отнесены предметы-заместители (предметные действия), пространственные схемы, модели, слова-понятия, социальные жесты, а к символическим – телесные практики, художественные образы, экспрессивные жесты, мифы (нарративы), собственно символы в узком значении этого слова [Поляков, 2022]. Промежуточной между знаковыми и символическими формами являются семантические коды, выражающие оценочное отношение субъекта к чему-либо или кому-либо посредством поляр-

ных по смыслу образов или характеристик (например, «хорошо – плохо», «легко – тяжело»).

Мы исходим из идеи о том, что символ в узком значении содержит в себе характеристики всех символических форм. В то же время он обладает и определенной спецификой по сравнению с каждой из них. В данной статье нам хотелось бы рассмотреть специфические особенности символических форм в сравнении с собственно символом и наиболее близкими к ним типами знаковых форм.

Соотношение символа с иными формами культуры

Рассмотрим подробнее сходство символа с другими символическими формами и его отличия от соответствующих знаковых форм.

Символ и телесная практика. Символ как конкретный образ явления, события, поступка или вещи обладает свойством воплощенности, материализованности и в этом смысле близок к телесной практике, представляющей собой культурный способ (движение, действие) удовлетворения потребностей и выражения смыслов человека (например, регулярные пробежки по утрам или вечерам могут быть связаны не только с поддержанием здоровья, но и выражать определенную позицию личности в отношениях с окружающими – принадлежность к определенной категории людей, стремление выделиться или, напротив, не выделяться, превосходство над окружающими как человека, способного бросить вызов своим слабостям и др.) [Поляков, 2022]. Будучи чувственно представленным, символ объективизирует для нашего сознания некоторые субъектно-личностные, духовные содержания. В связи с этим потенциально символом может стать что угодно. В то же время, как справедливо отмечали К.Г. Юнг, а вслед за ним К.А. Свасьян, становится ли нечто символом, определяется отношением к нему субъекта, его установкой сознания [Свасьян, 2010; Человек и его символы, 1997]. К.А. Свасьян пишет: «Символ... есть отражение явления. Но одновременно он модельно порождает его, и тогда оно само становится символом... Символичность вещи обусловлена также уровнем и установкой сознания» [Свасьян, 2010, с. 118]. Далее он подтверждает эту мысль примером факела, который становится символом на могиле Неизвестного солдата и утрачивает символический смысл в руках человека, обследующего чердак. Эта мысль была эмпи-

рически подкреплена проведенными нами экспериментами, в которых выявлена зависимость обнаружения взрослыми испытуемыми субъектного символического содержания в текстовых материалах (притчи) и художественных образах (репродукции картин) от целевых установок, задаваемых инструкцией [Поляков, 2014]. При выполнении заданий на поиск различий между двумя внешне схожими стимулами (репродукциями картин, притчами) значительно повышалась вероятность выявления их субъектного содержания (т.е. превращения их в символические формы) по сравнению с заданиями на поиск сходства.

Символ, как и телесная практика, выражает нечто значимое для субъекта, будучи интимно связан с его глубинными потребностями и смыслами. Он – интенционален. Этим он принципиально отличается от соответствующих знаковых форм. По форме символ-вещь, символ-поступок и телесная практика наиболее близки к таким знаковым формам как предметы-заместители и предметные действия. Однако последние безразличны к обозначаемому содержанию, произвольны в выборе средств замещения, безличны и указывают на другие предметы, а не личность, субъектную реальность. Предметные действия могут, конечно, в определенных случаях превратиться в символические формы, например в ритуалы, связанные с поддержанием связей с другими людьми.

Символ, как и художественный образ, вбирает в себя такие характеристики как иносказательность и антиномичность. Художественный образ косвенно, иносказательно, в намеках выражает отношения и переживания субъекта, передает некоторые смыслы, идеи и личностные содержания, о которых напрямую, буквально, сказать невозможно [Барт, 1996; Лосев, 1990]. Он всегда представляет то, чем сам не является. Художественная форма, в отличие от чувственного образа предмета или явления (в том числе таких знаковых форм, как пространственные схемы и модели), отказывается от самой себя, уничтожая (острая) собственное предметное содержание, ради выражения незримого смысла, идеи.

С этой особенностью напрямую связана и вторая характеристика художественного образа – антиномичность [Поляков 2016; Поляков, 2022; Поляков, 2014; Флоренский, 1990]. Искажение привычного предметного значения, представленного в художественном образе, провоцирует внутреннее напряжение у человека и выталкивает его сознание в иное, субъектно-смысловое, измерение [Поляков, 2022].

Антиномия символического образа возникает, когда выраженный в нем смысл вступает в конфликт с буквальным значением его внешней формы. При этом важно иметь в виду, что внешняя форма не всегда полностью дана в самом по себе образе, но и может быть дополнена определенным контекстом, в котором этот образ употребляется. Например, некоторые произведения живописи отсылают нас к библейским сюжетам или историческим событиям, притча может быть понята как ответ на определенное утверждение или вопрос. Зачастую художественные образы отсылают нас к иным формам и содержаниям культуры и могут быть поняты лишь при их сопоставлении. В этом плане трансформация символа, т.е. преобразование и взаимные переходы символических форм, становится одним из путей его осмысления [Поляков, 2014].

Сходство *символа и мифа (нарратива)* зиждется на двух основных характеристиках – персонификации (одушевленности) и универсальности (прототипичности) [Поляков, 2022]. Миф (нарратив) представляет собой историческое повествование о личности или историю личности, выражая ее идентичность [Брунер, 2006; Лосев, 1990]. Нарратив, в отличие от мифа, согласно Дж. Брунеру, наделяет его главного героя (речь идет о биографических нарративах) самосознанием и авторством – способностью порождать и изменять историю жизни [Брунер, 2006]. Последние особенности нарратива активно применяются в одноименном направлении психотерапии.

Миф (нарратив) выражает личностное начало, персональность, одушевленность [Лосев, 1990]. Также и символ является олицетворением, репрезентирует нашему сознанию не предметную действительность, а субъектную, личностную реальность. За ним стоит не «что», как за знаком, а «кто». Благодаря этому символ, будучи чувственно конкретной формой, являет собой единство субъекта и объекта [там же]. Здесь следует заметить, что склонность одушевлять предметный мир присуща не только мифологическому и сказочному сознанию, присущему примитивным народам и детям, но и является естественной для повседневной жизни обычного взрослого человека. Так, например, мы склонны видеть за внешне наблюдаемым поведением чьи-то намерения, за телесными проявлениями и внешностью – живую личность, за именем – конкретную индивидуальность.

Универсальность или прототипичность символа и мифологических образов заключается в том, что они содержат в себе смысловой принцип построения всего многообразия явлений, вещей, событий, то есть внешних форм символа [Свасьян, 2010]. Проявления символа бесконечно разнообразны. Метафорически выражаясь, форма символа – это вариации на одну тему (смысловое содержание символа). К.А. Свасьян отмечает: «...символа собственно нет ни в одной из его форм; бытие его – в метаморфеме, то есть в переходе форм» [там же, с. 129]. В этом плане символ как прототип содержит в себе исходную идею (или смысл), которая не может быть буквально и точно определена (то есть не имеет четких пределов), а многогранна по своему содержанию. Можно вспомнить мысль М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского о том, что смысл символа нам дан лишь в своих интерпретациях, толкованиях [Мамардашвили, Пятигорский, 1997]. В качестве примеров можно привести идеи (выраженные в конкретных образах) проторастения В. Гёте, первочеловека, протоязыка и др. [Свасьян, 2010; Поляков, 2022]. Возможно в этом ключе понять и символизм архетипов К.Г. Юнга [Человек и его символы, 1997]. Однако по сути любой символ подталкивает наше сознание к некоторой первоидее или некоторому исходному смыслу, реализуемому субъектом. Универсальность или прототипичность символов и мифов говорит об их бесконечной глубине, которая становится доступной сознанию человека лишь при условии постоянной работы над постижением их смысла и которая тут же улегучивается, когда символ сводится к своей внешней предметной форме. Такая циркуляция отношения к символам была показана в одном из наших экспериментов [Поляков, 2014].

Смысловая многослойность символа обнаруживается и при сравнении его проявлений как художественного образа и как мифа. Чтобы понять художественный образ, следует остраниться от его чувственной формы и привычного контекста ее употребления, а чтобы понять миф – остраниться от его буквального смысла или смысла формы (формального смысла) [Барт, 1996; Лосев, 1990; Поляков, 2022]. Форма в художественном образе не есть то, что она есть (актер не изображает самого себя, стул на картине может намекать на отсутствующего его владельца и др.), а форма мифа всегда есть то, чем она представляется (персонажи древнегреческих или ветхозаветных мифов представляют самих себя) [Лосев, 1990]. Однако в то же время миф выражает и

нечто иное, непосредственно невыразимое. Это иное и являет собой более глубокий слой символического смысла, который может быть соотнесен с другими символическими содержаниями.

Универсальность и абстрактность символов роднит их с такой формой знака как слово-понятие, которое также обладает известной степенью абстрактности. Однако их абстрактность разного рода. Если абстрактность символа связана с его беспредметностью, а точнее *субъектностью*, персонификацией, которая, кроме того, всегда *уникальна*, то абстрактность слова-понятия предполагает выделение существенных *общих* свойств для какой-то категории предметов или явлений. Однако эти свойства все равно остаются свойствами предметов, а значение слова-понятия – предметным. Слово-понятие устраняет уникальность вещи, лишает ее индивидуальности. Напротив, форма символа обладает выразительностью, как бы говорит сама за себя, и в этом смысле произвольна в употреблении человеком. Мы не можем выразить в произвольной форме свои намерения, отношения, переживания. Слово-понятие условно, не связано жестко с обозначаемым содержанием и поэтому произвольно в употреблении. Одни и те же понятия мы можем обозначить разными терминами.

Символ и экспрессивный жест, применяемый в личном общении с другим субъектом для выражения собственных переживаний, роднят такие свойства как выразительность, обращенность к Другому и нераздельность формы и внутреннего содержания (отношения субъекта). Символ, как и жест, всегда есть акт общения двух или более субъектов, выражающий в материальной форме их связи и отношения друг с другом. Символ-жест есть акт обращения личности к Другому и, соответственно, акт ее воплощения. Однако жест в определенном смысле проще символа, если рассматривать последний во всей его многогранности. Экспрессивный жест требует ситуативного контекста, без которого он не может быть понят. Символ же сам порождает контекст, создавая опорные смысловые точки в понимании ситуации или последовательности событий. Он как бы переворачивает ситуацию, задавая иной ракурс ее видения и преобразая ее формальный смысл, побуждая нас следовать «не букве, но духу». Таким эффектом обладают, например, притчи Христа, преобразующие толкование Писания и самой жизни.

Кроме того, хотя жест и обращен к Другому, последний в нем не обязательно присутствует реально. Он может быть дан лишь как про-

екция отношения субъекта. Сам же Другой здесь неактивен, не принимает участия в порождении жеста. Символ требует для своего порождения и существования активности обеих сторон, он всегда *интер*-активен.

Заключение

На основании представленного сравнительного анализа символических форм можно заключить, что они являются носителями различных характеристик символа как такового. Последний вбирает в себя все разнообразие свойств описанных символических форм. Этим можно объяснить достаточно позднее полноценное овладение символами в процессе онтогенетического развития. Наши экспериментальные исследования показывают, что это происходит лишь в юности к 19–20 годам [Поляков, 2016; Поляков, 2022]. Сложность овладения символами как орудиями осознания субъектной реальности и субъект-субъектного взаимодействия связана с необходимостью развития ряда функций сознания, которые обеспечивают мысленную смену позиции личности (децентрацию), соотнесение смысла различных символических форм (трансформацию символа), постижение антиномии символа (его персонификацию) и создание символической формы в соответствии с символическим смыслом (порождение замысла). Все эти функции достаточно сложны и предполагают развитие сознания как целостной системы или функционального органа. Кроме того, исследования показывают, что данный орган сознания может быть не сформирован или сформирован искаженно [Поляков, 2014]. Таким образом, основная психологическая задача обращения человека к символу и символическим формам заключается в реализации смыслового принципа организации индивидуального сознания и самотрансценденции субъекта – выхода за рамки всегда ограниченной личной позиции за счет ее соотнесения с иными субъектными позициями, а также дифференциации чувственной формы символа и его смыслового содержания. Данный механизм развития сознания можно обозначить как механизм удвоения субъектности и осознания ее смысловой сущности.

Список литературы

- Барт Р.* Мифология / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – Москва : Изд-во им. Сабашиковых, 1996. – 312 с.
- Белорусец А.С.* Символ как средство ориентировки в личностных задачах: психологическая перспектива // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 78–87. – DOI: 10.17759/chp.2020160108
- Брунер Дж.* Культура образования. – Москва : Просвещение, 2006. – 223 с.
- Брунер Дж.* Психология познания. – Москва : Прогресс, 1977. – 413 с.
- Валлон А.* От действия к мысли. – Москва : Изд-во Иностранной литературы, 1956. – 238 с.
- Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. – Санкт-Петербург : СОЮЗ, 1997. – 96 с.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. – Изд. 5-е, испр. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
- Выготский Л.С.* Проблема сознания // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 157–158.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3 : Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. – 368 с.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. – Москва : Искусство, 1968. – 576 с.
- Дешарне Б., Нефонтен Л.* Символ / пер. с фр. И.Л. Нагле. – Москва : АСТ : Астрель, 2007. – 190 с.
- Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1, вып. 1. – С. 207–232.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – Москва : Тривола, 1994. – 304 с.
- Кулагина Н.В.* Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 1. – С. 3–10.
- Лейнер Х.* Основы глубинно-психологической символики // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 102–110.
- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.
- Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. Диалектика мифа. – Москва : Правда, 1990. – 655 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. – Ростов на Дону : Феникс, 1998. – 416 с.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
- Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 400 с.

Поляков А.М. Методика изучения развития символической функции сознания // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 59–68. – DOI: 10.17759/chp.2016120206

Поляков А.М. Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 4–12. – DOI: 10.17759/chp.2022180201

Поляков А.М. Субъект и символ. – Минск : БГУ, 2014. – 255 с.

Потанина Л.Т., Ильясов И.И. Эмпирическое исследование образно-символического мышления педагогов // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 2. – С. 61–65.

Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. – Москва : Моск. гос. ун-т, 1988. – 288 с.

Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). – 2-е изд. – Москва : Академический проект : Альма Матер, 2010. – 224 с.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Москва : Правда, 1990. – 448 с.

Хмилар О.Ф. Символ как психологический код, регулирующий общение личности // Актуальные вопросы психологии и педагогики. – 2014. – № 4. – С. 97–106.

Человек и его символы / К.Г. Юнг [и др.] ; под общ. ред. С.Н. Сидоренко. – Москва : Серебряные нити : Университетская кн., 1997. – 367 с.

Черепанов И.В. Семиотическая структура символа и ее влияние на самоидентификацию личности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 4, т. 2. – С. 142–150.

Цыбуля В.И. Функции символа в психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. – 2012. – № 2. – С. 158–173.

Шнем Г.Г. Искусство как вид знания (этюды) // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 4. – С. 25–35.

Ausubel D.P. Neobehaviorism and Piaget's views on thought and symbolic functioning // Child development. – 1965. – N 4. – P. 1029–1032.

DeLoache J.S. Symbolic Functioning in Very Young Children: Understanding of Pictures and Models // Child Development. – 1991. – N 62. – P. 736–750.

Piaget J. The Grasp of Consciousness. Action and Concept in the Young Child / transl. by S. Wedgwood. – Cambridge : Harvard Univ. press, 1976. – Vol. 7. – 360 p.

Smith N.R., Franklin M.B. Symbolic functioning in childhood. – New Jersey : Hillsdale, 1979. – 240 p.

Veraksa A.N. Symbol as a cognitive tool // Psychology in Russia: State of the Art. – 2013. – P. 57–65.

References

Bart, R. *Mifologiya* [Mythology], transl. from fr., intr. and comment. S.N. Zenkina. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyh Publ., 1996. 312 p. (In Russ.)

Belorusec, A.S. Simvol kak sredstvo orientirovki v lichnostnyh zadachah: personologicheskaya perspektiva [Symbol as an orienting means for solving developmental tasks: a personological perspective]. In *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, no 1, 2020, vol. 16, pp. 78–87. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2020160108

- Bruner, Dzh. *Kul'tura obrazovaniya* [The culture of education]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2006. 223 p. (In Russ.)
- Bruner, Dzh. *Psihologiya poznaniya* [Psychology of cognition]. Moscow, Progress Publ., 1977. 413 p. (In Russ.)
- Vallon, A. *Ot dejstviya k mysli* [From action to thought]. Moscow, Izd-vo Inostrannoj literatury Publ., 1956. 238 p. (In Russ.)
- Vygotskij, L.S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. Saint Petersburg, SOYuZ Publ., 1997. 96 p. (In Russ.)
- Vygotskij, L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Ed. 5, ispr. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p. (In Russ.)
- Vygotskij, L.S. Problema soznaniya [The problem of consciousness]. In *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1* [Collected works: in 6 vol. Vol. 1] / Ed. A.R. Luriya, M.G. Yaroshevskii. Moscow: Pedagogika Publ., 1982, pp. 157–158. (In Russ.)
- Vygotskij, L.S. Problemy razvitiya psihiki [Problems of the psyche development] In *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 3* [Collected works: in 6 vol. Vol. 3], ed. A.M. Matyushkin. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. 368 p. (In Russ.)
- Vygotskij, L.S. *Psihologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 576 p. (In Russ.)
- Desharne B., Nefonten L. *Simvol* [Symbol], tranl. fr. I.L. Nagle. Moscow, ACT : Astrel' Publ., 2007. 190 p. (In Russ.)
- Zinchenko, V.P. Soznanie kak predmet i delo psihologii [Consciousness as a subject and matter of psychology] In *Metodologiya i istoriya psihologii*, no 1, 2006, vol. 1, pp. 207–232. (In Russ.)
- Zinchenko, V.P., Morgunov E.B. *Chelovek razvivayushchijsya. Ocherki Rossijskoj psihologii* [A developing person. Essays on Russian psychology]. Moscow, Trivola Publ., 1994. 304 p. (In Russ.)
- Kulagina, N.V. Simvol i simvolicheskoe soznanie [Symbol and symbolic consciousness] In *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, no 1, 2006, pp. 3–10. (In Russ.)
- Lyojner, H. Osnovy glubinnno-psihologicheskoy simvoliki [Fundamentals of deep psychological symbolism] In *Zhurnal prakticheskogo psihologa*, no 3, 1996, pp. 102–110. (In Russ.)
- Leont'ev, A.N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works: 2 vol. Vol. 2.]. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. 320 p. (In Russ.)
- Losev, A.F. *Iz rannih proizvedenij. Dialektika mifa* [From early works. Dialectic of myth]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 655 p. (pp. 393–599). (In Russ.)
- Luriya, A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness], ed. E.D. Homsкая. Rostov na Donu, Feniks Publ., 1998. 416 p. (In Russ.)
- Mamardashvili, M.K., Pyatigorskij, A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)
- Nartova-Bochaver, S.K. *Chelovek suverennyj: psihologicheskoe issledovanie sub"ekta v ego bytii* [Sovereign man: a psychological study of the subject in his being]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 400 p. (In Russ.)

Polyakov, A.M. Metodika izucheniya razvitiya simvolicheskoy funkcii soznaniya [Exploring the development of symbolic function of consciousness: a technique]. In *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, no 2, 2016, vol. 12, pp. 59–68. (In Russ.) DOI:10.17759/chp.2016120206

Polyakov, A.M. Razvitie soznaniya v kontekste problemy znakovogo i simvolicheskogo oposredstvovaniya [The development of consciousness in the context of the problem of sign and symbolic mediation]. In *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, no 2, 2022, vol. 18, pp. 4–12. (In Russ.) DOI:10.17759/chp.2022180201

Polyakov, A.M. *Sub"ekt i simvol* [Agent and symbol]. Minsk, BGU Publ., 2014. 255 p. (In Russ.)

Potanina, L.T., Il'yasov, I.I. Empiricheskoe issledovanie obrazno-simvolicheskogo myshleniya pedagogov [The study on the visual and symbolic thinking in educators]. In *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, no 2, 2010, p. 61–65. (In Russ.)

Salmina, N.G. *Znak i simvol v obuchenii* [Sign and symbol in teaching]. Moscow, Mosk. gos. un-t Publ., 1988. 288 p. (In Russ.)

Svas'yan, K.A. *Problema simvola v sovremennoj filosofii (Kritika i analiz)* [The Problem of the symbol in modern philosophy (criticism and analysis)]. 2-d ed. Moscow, Akademicheskij proekt; Al'ma Mater Publ., 2010. 224 p. (In Russ.)

Florenskij, P.A. *U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of thought]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 448 p. (In Russ.)

Hmilyar, O.F. Simvol kak psihologicheskij kod, reguliruyushchij obshchenie lichnosti [A symbol as a psychological code that regulates the communication of an individual]. In *Aktual'nye voprosy psihologii i pedagogiki*, no 4, 2014, pp. 97–106. (In Russ.)

Chelovek i ego simvol [Man and his symbols], K.G. Yung etc. Ed. S.N. Sidorenko. Moscow, Serebryanye niti, Universitetskaya kn. Publ., 1997. 367 p. (In Russ.)

Cherepanov, I.V. Semioticheskaya struktura simvola i ee vliyanie na samoidentifikaciju lichnosti [Semiotic structure of a symbol and its influence on self-identification of a person]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no 4, 2011, vol. 2, pp. 142–150. (In Russ.)

Cybulya, V.I. Funkcii simvola v psihoterapii [Symbol functions in psychotherapy]. In *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, no 2, 2012, pp. 158–173. (In Russ.)

Shpet, G.G. Iskusstvo kak vid znaniya (etyud) [Art as a kind of knowledge (etude)]. In *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, no 4, 2006, pp. 25–35. (In Russ.)

Ausubel, D.P. Neobehaviorism and Piaget's views on thought and symbolic functioning. In *Child development*, no 4, 1965, pp. 1029–1032.

DeLoache, J.S. Symbolic Functioning in Very Young Children: Understanding of Pictures and Models. In *Child Development*, no 62, 1991, pp. 736–750.

Piaget, J. *The Grasp of Consciousness. Action and Concept in the Young Child* (Transl. by S.Wedgwood). Cambridge, Harvard Univ. press, 1976. VII. 360 p.

Smith, N.R., Franklin M.B. *Symbolic functioning in childhood*. New Jersey, Hillsdale, 1979. 240 p.

Veraksa, A.N. Symbol as a cognitive tool. In *Psychology in Russia: State of the Art*, vol. 6, issue 1, 2013, pp. 57–65.